

МОЖЕТ, ХВАТИТ МОЛЧАТЬ?

[Рябко Игорь, прот.](#)

Сегодня мы являемся свидетелями возрождения Церкви. Открываются храмы, возрождается монастырская жизнь. Издаются творения святых отцов. Но, говоря о возрождении православия, мы не должны молчать о уже проявившихся ошибках и недостатках нашего времени.

Умалчивание их тождественно затягиванию болезни, которая может перейти в хроническую форму. Проговаривая наши немощи, мы будем растождествлять себя с ними. И это поможет нам исправляться.

Святость является следствием ипостасного единства двух природ во Христе. Степень причастности человека ко Христу является мерилем его обожения, т.е. святости. Одна из необходимых составляющих "обожения" - Традиция, Предание жизни во Христе. Церковь является той "новой Евой", которая рождает новое, обновленное во Христе человечество. Сегодня очень важно приобщение и возвращение народа к традиции Православной духовности.

На Руси в этом вопросе главную роль играли монастыри - живые носители Предания. Особую роль играли в монастырях старцы, не обязательно в сане, которые также были живыми духоносными примерами святости. Явление старчества и духовничества в целом - это не явление самородков, "вдруг" возникших неведь откуда. Явление старчества можно сравнить с селекционной работой Церкви. Так выводятся элитные сорта винограда. Отбирается и выбирается лучшее из лучшего в монастыре. И это лучшее берет преемство в воспитании и взращивании виноградника Христова. Оно же передает опыт по преемству. Это и есть одна из граней Предания.

Раньше новые монастыри не начинались с нуля. Для их создания бралась группа, реже один монах, из лучшего монашества, которое есть в уже давно действующем авторитетном монастыре. И это ядро пересаживалось на новую почву и продолжало традицию своего монастыря, собирая вокруг себя новую общину.

Сегодня, к сожалению, создание монастырей происходит не всегда таким образом. Иногда постригаются тетки и дядьки, часто вообще мало знакомые с церковной традицией, никогда не имевшие опыта монашеской жизни. И по уставу, и по жизни такой монастырь чаще напоминает колхоз с церковно-религиозным уклоном. И в этом колхозе каждый пашет и орет на духовной ниве так, как считает нужным и правильным. И вот результат - из паломнических поездок люди возвращаются с массой суеверий, почерпнутых в таких монастырях. Я знаю обители, где игуменья занимается рекламой продукции "Amway", продажей пищевых добавок, где причащают вместо вина соком, якобы для борьбы с пьянством, и прочие глупости. Постригают в монахи незрелых детей 13-14 лет, которые потом становятся расстригами или просто получают психические травмы. Наблюдается

отток монахов, принявших постриг в зрелом возрасте. Это не может не сказываться отрицательно на духовной атмосфере жизни Церкви в целом.

Особый и самый, на мой взгляд, важный вопрос связан с оздоровлением жизни приходской общины. Здесь есть те же болезни, что и в монастырских общинах, но перенесенные на почву общины приходской. В общине главную роль играет пастырь, который пасет это малое стадо. Личность священника на приходе невероятно велика. От того, как он построит традицию жизни у себя на приходе, зависит и общая атмосфера, и личный духовный рост прихожан. Не зря говорят: "Каков поп, таков и приход". И здесь по опыту церковно-исторического процесса тоже нужна практика преемственности духовного окормления, когда молодые пастыри берут пример со старшей братии, а та, в свою очередь, является частью того "золотого звена", о котором писал Симеон Новый Богослов, - звена передачи Традиции жизни во Христе. Но, к сожалению, за годы атеистического террора тот лучший цвет, что был в нашей Церкви, - уничтожен. Духовная, интеллектуальная, богословская элита, которая была "светом просвещающим", стала жертвой лагерей и расстрелов. "Для удовлетворения религиозных нужд населения" церковная община была загнана в гетто требоисполнительства. И наихудшее то, что она там осталась и до сих пор...

Для этого есть и объективные причины. После празднования тысячелетия Крещения Руси в 1988 году, промыслом Божиим по всей стране стали открываться храмы. Священников катастрофически не хватало. На Украине была особенно тяжелая ситуация: во-первых, появлением бутафорий, искажающих Православную Церковь, это Автокефальная Церковь, т.н. "Киевский патриархат", во-вторых, мощная экспансия римо-католиков, униатов. Епископат был вынужден рукополагать всех подряд: нужно было занять вакантный приход, иначе он будет занят еретиками. Таким образом, у престола могли оказаться люди и неглубоко образованные, наспех подготовленные, либо даже случайные. Одна родственница ныне здравствующего священника рассказывала мне о своем родиче: "Да вот сократили с работы, нигде не мог устроиться, а тут предложили устроиться попом, вот он и пошел, а что делать - есть-то хочется". Сан принимали врачи, учителя, трактористы, сантехники, милиционеры, фрезеровщики... Я, в данном случае, говорю не образно, а о той реальной ситуации, что сложилась и в нашей, и вашей епархии. Благодать, даруемая хиротонией, не изменяет ни природных, ни интеллектуальных дарований. И она не отменяет необходимость дальнейшей духовной и интеллектуальной работы пастыря над собой. И поскольку учиться было не у кого, к сожалению, то в дальнейшем логически последовательным шагом должно быть получение образования, хотя бы внешнего.

И здесь я уже могу говорить о своем опыте. В течение ряда лет я возглавлял курсы повышения квалификации священства Запорожской епархии. Проще говоря - это был ликбез для духовенства. Через четыре года я свернул работу училища. Почему я закрыл эти курсы? Священники, приезжавшие на обучение, делились на две группы: те, которые хотели учиться и учились, и те, кому это было безразлично. Те, кто хотел учиться, они и

так старались самообразовываться. В дальнейшем эти священники пошли в ПСТБИ, в семинарии. Хотя по большому счету могли бы этого и не делать. Заочная форма обучения мало чем отличается от самообразования. А вот те, кто ничего не хотел знать, - для них эти курсы были одним из поводов для раздражения и злости. Их невозможно было заставить учиться, так же, как и невозможно было сделать просто людьми церковными. Но самое странное было то, что эти священники показывали мне т.н. "корочки" об окончании наших семинарий, но при этом некоторые не знали Символа Веры. А при попытке объяснить, например, как это "Творца неба и земли, Видимым же всем и не видимым", объясняли, что Бог иногда виден, а иногда не виден. Я был свидетелем проповедей, в которых шла речь о том, как правильно креститься, чтобы бес не проскочил между пальцами, или же о том, что крот ослеп и кукушка не имеет своего гнезда, потому что они работали на праздник Благовещения.

Очень печально, что в Украине вместо того, чтобы дать должное образование пастырям, некоторые семинарии стали просто продавать диплом в рассрочку. Мне рассказывали некоторые священники, что они даже не ездили на сессии. Просто отдавали сокурсникам деньги и зачетки. И следствие такого обучения - усвоение пережитков и предрассудков, проповедь с амвона суеверий, искаженность евхаристической жизни. Такая ситуация была 8-10 лет тому назад. Я очень надеюсь, что в этих семинариях с тех пор хоть что-то изменилось в лучшую сторону.

По этой же причине в церковных лавках иногда продаются такие книги, которые, мягко говоря, не соответствуют церковной традиции. А потом люди каются в том, что пили чай (наркотик), ходили на лыжах, и носили лифчик без благословения духовника (об этом моя статья "О плевелах церковной литературы", газета "Одигитрия", N1 (57), 2007 г.).

Священник на своем приходе должен жить устремленностью ко Христу. Не внешней декларацией, а живой внутренней духовной жизнью. Всё, что происходит в церковной общине, должно иметь одну цель - спасение, обожение человека. Подготовка к причастию, молитва, дисциплинарные нормы - не самоцель, а средство обожения человека. Священник должен тактично, мудро, чувствуя каждую душу, приводить ее ко Христу. И именно он, а не кто-то другой должен вести пастырское окормление прихожан.

Но нередко возникает ситуация, когда миссионерская работа в храме ведется исключительно бабушками. Это особая группа "миссионеров", являющаяся мощной и часто непреодолимой преградой между миром и Церковью. Они пугают огнем геенским всех, кто, как им кажется, крестится не так как надо или не той рукой ставит свечку. И пока эта группа "миссионеров" работает с полной силой, можно быть твердо уверенным в том, что в храме всем остальным, кроме этих бабушек, места будет мало.

Однажды в небольшом городке, где я родился, мне довелось быть свидетелем такой сцены. Венчалась моя сестра, я пришел на венчание в штатском. И совершил, по своему невежеству, святотатство: перешёл на другую сторону храма, грубо поправ ногами дорожку перед молодожёнами. И сразу же услышал сзади боевой клич и топот ног,

бросившихся за мной в погоню. Поняв, что мне пришел конец, я решил встретить его лицом к лицу. Но когда я обернулся, искаженное от гнева лицо, только что хотевшее меня стереть с лица земли, вдруг засияло равноангельской любовью и, расплывшись в улыбке, во умилении воскликнуло: "Ой, батюшка". И женщина радостно хлопнула ладонями. Вот так меня спасла благодать священства...

Некоторые священники считают, что самая главная задача настоятеля - стройка. При этом абсолютно забывая, для кого и зачем эта стройка ведется. Богу нужны, в первую очередь, души, а не кирпичи. Кирпичи нужны для того, чтобы внутри храма спасались души, а не ради самих этих кирпичей.

Секты самого разного вида и толка давно уже поняли, как, когда и с кем нужно работать. И вместо того, чтобы рассказывать, какие негодяи эти еретики, мы бы лучше переняли их опыт миссионерской работы. Потому что наш стыд и позор в том, что, имея несравнимо больше и богаче материал (в отличие от еретиков всех видов и мастей), мы его мало используем в миссионерской работе. Православие проникло во все сферы культурной жизни человечества. О Православии можно говорить в разрезе и философии, и педагогики, и психологии, и архитектуры, и музыки, и живописи, и вообще всех отраслей человеческой культуры. А что мы? Зачастую даже проповедь священник читает из книжки. И причина этого не только в отсутствии образованного духовенства, а, в первую очередь, в неправильно построенной жизни епархии.

Дело миссионерской проповеди является как минимум епархиальной задачей, поскольку в действительности мы живем, к сожалению, в языческом окружении, к тому же еще и формально крещенном. Поэтому миссионерская работа, по моему глубокому убеждению, должна быть первоочередной и важнейшей в наше время. Но создание миссионерских центров, курсов оглашения и проч. является уже задачей епископа. Только он может задать нормальный правильный тон на всех приходах.

Как духовнику епархии, мне были известны случаи, когда священник не мог приехать на исповедь потому, что у него не было денег на проезд. Когда сельский священник балансирует на грани выживания и крайней материальной нужды, то поверьте, ни о какой миссионерской работе он думать не будет. Суметь уравновесить доходы нищенствующего сельского духовенства и "ожиревшего" духовенства из доходных приходов, это тоже, как ни странно, миссионерская задача епархиального архиерея. Так же, как и объяснить настоятелям больших приходов, что подчиненное им духовенство - это не рабы, которые обеспечивают благоденствие матушки настоятеля и их чад, а его равноправная братия. Клериканство дошло в некоторых храмах уже до того, что настоятель может считать ниже своего достоинства выйти помочь исповедовать или поехать на требу в случае накладки. Для этого есть "чернорабочее духовенство". Настоятель должен осознать, что он не барин, который со своим братом через губу разговаривает, а раб, который должен этой братии служить и о ней заботиться.

Стремление некоторых отцов занять более значимый приход диктуется их интересом иметь деньги и власть. И занимают эти посты не всегда лучшие представители духовенства. Власть должна перерасти в ответственность, а распределение денежных средств должно быть абсолютно прозрачным. И та часть средств, которая не идет на зарплату, обслуживание храма и миссионерскую работу, должна распределяться архиереем по его усмотрению, в том числе, и на нужды малообеспеченных приходов, и немощного, пожилого духовенства. В епархии не должно быть ситуации, когда священника, как волка, ноги кормят, а как только он становится немощным, калекой или инвалидом - то попадает в зависимость от милости "начальства".

Мне кажется, что к священникам по вопросу о качестве их служения должны быть предъявлены те же требования, что и к светским, например, работникам медицины. После окончания вуза через определенный промежуток времени они проходят аккредитацию на соответствие занимаемой должности. Совершенствование в профессионализме является актуальным требованием и для духовенства. Если человек рукоположен и окончил семинарию или академию - это что, уже высшая точка? Больше ему ничего не надо знать? Или больше никаких событий не происходит в церковной жизни, которые бы касались его лично?

Мне кажется, что священник должен всю жизнь учиться и доказывать свое право называться священником. Через определенный период времени, скажем, года через три, в каждой епархии можно было бы проводить курсы повышения квалификации для духовенства. Ввести, например, систему тестирования для того, чтобы удостовериться, что духовенство не забыло, по крайней мере, основы догматического вероучения Церкви. Священник должен изучать те актуальные события церковной жизни, которые произошли за последние годы. Например, далеко не все священники знакомы с "Основами социальной концепции РПЦ", а ведь это документ чрезвычайной важности. Постановления Поместных Соборов, новости церковной жизни знают лишь отдельные священники, которые сами интересуются церковной жизнью.

Есть приходы, где служатся акафисты "новопрославленным" святым и "новоявленным" чудотворным иконам, например, иконе "Русь воскрешающая". То, что осуждено как еретическое нововведение, становится предметом почитания в силу безграмотности духовенства. Было бы правильно, если бы программы курсов повышения квалификации разрабатывались централизованно, грамотным духовенством, силами Митрополии или Патриархии. И если в результате проверки выясняется, что священник не соответствует занимаемой должности и его интеллектуальный, богословский уровень не дает ему права быть священнослужителем, он должен или исправиться, или его приход вправе занимать человек, который будет соответствовать и сану, и званию.

Нас должен интересовать не только количественный, но и качественный рост Церкви, как духовенства, так и мирян. Вопросы качественного роста особенно касаются духовенства. Те экстремальные меры, на которые были вынуждены идти епископы десять лет назад,

прошли. Это была тактика икономии, для того чтобы успеть занять вакантный приход, пока не занятый еретиками. Но сегодня ситуация изменилась. Нужны пастыри, проповедники-миссионеры, а не просто "требные" батюшки.

Важнейшая задача Церкви сегодня - найти язык, на котором нужно говорить с современником. Догматическое учение остается неизменным, но вот проповедь со временем менялась. Менялся языковой инструментарий, менялась лексика языка, менялись форма и содержание проповеди. Православие приспособлялось к современнику и спасало его, пользуясь его языком и его понятиями. Мы должны научиться говорить с людьми 21 века. И говорить, в первую очередь, не о праздниках, храмах и куполах, а о человеке, его месте в мире и о замысле Божиим о человеке.

Православие само по себе уже является мощным средством проповеди. Один австралиец-протестант рассказывал, что Православие его заинтересовало после того, как он побывал на венчании. А принять Православие он решил, когда увидел отпевание. Его поразила надмирность этой службы.

Мир ждет от нас Слова. И в богословском, и в иносказательном, и в прямом смысле. К сожалению, сегодня мир воспринимает все явления как некий продукт, который имеет форму, содержание, который привлекателен и интересен. Первоочередное значение имеет упаковка, а если она заинтересует, то потом и содержание. Православие прекрасно во всем. Замечательны наши храмы, возвышенно наше богослужение, духовная жизнь во Христе - это бездонный кладезь мудрости и величия. Этого нет нигде, ни одна религия этим не обладает. Это то, что нам передали отцы, что они создали и что мы должны были бы приумножить. Но мы, если не способны приумножать, то хотя бы научились не заслонять всё это своими человеческими немощами. Потому что люди, в первую очередь, увидят немощи, а не красоту.

Когда Христос говорил о том, что врата ада не одолеют Церковь, то ведь речь шла о Церкви в целом, а не о конкретной Поместной Церкви на конкретной территории. Сколько стран потеряли Церковь, которая выродилась в ересь. Что будет на Украине завтра - зависит от нас сегодня.

Всё, о чем я говорю, конечно, не является общим правилом. В Церкви трудится много истинных пастырей, которые душу свою полагают за овец. Но, к сожалению, на общем фоне нашего духовенства таких служителей меньше, чем хотелось бы.

В конце хочу добавить, что это только начало разговора. Разговора, который нужно начинать вести. Мы не должны быть безразличными к своим немощам и болезням. Говорить об этом меня побуждает только одно - любовь к Богу и Церкви. И память о том, что молчанием предается Бог. Этот разговор, который выходит за рамки одного доклада, я готов продолжить. Очень много осталось несказанным. Моё положение уникально: одной гранью своего служения я в храме, другой - в миру: заведующий кафедрой светского вуза. И оттуда, с другой точки, мне видно многое из того, чего не было бы видно из храма. И я слышу, за что нас осуждают и не любят. И я должен сказать честно: очень часто они

правы. Да, мы такие и есть. Но это немощи людей, а не Церкви. И мы не должны бояться и себе, и другим в этом признаться. Это нас не унизит, а поможет в дальнейшем исправиться.

Протоиерей Игорь Рябко,
зав. кафедрой религиоведения и теологии Запорожского муниципального университета.
Выступление на конференции "Феномен святости в 20 веке", г. Бердянск.

<http://kiev-orthodox.org/site/churchlife/1607/>